

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

СЕРДЕНЕЦЪ
ШЕКЕМЕТЪ

DK
32
S53
v.2

UC-NRLF

B 4 041 228

ОТГОЛОСКИ

ХVІІІ ВѢКА.

Выпускъ II.

«Ты помнишь Трианонъ и шум-
ныя забавы,
Но ты не избежешь отъ сладкой
ихъ отравы».
Пушкинъ.

МОСКВА.

Типо-лит. Выс. утвержд. Т-ва И. Н. Нушнеревъ и Н^о,
Пименовская ул., соб. домъ.

1896.

DK
32
S53
v.2

SHEREMETEV

DK
32
S53
v.2

DK32 S53 v.2

Отголоски XVIII века¹
ОТГОЛОСКИ

XVIII ВѢКА.

Выпускъ II.

«Ты помнишь Трианонъ и шум-
ная забавы,
Но ты не изнемогъ отъ сладкой
ихъ отравы».
Пушкинъ.

ShereMENEV, F. S.
"

МОСКВА.

Типо-лит. Выс. утвержд. Т-ва И. Н. Нушнеревъ и Н^о,
Именовская ул., соб. домъ.

1896.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

1896 03 1995

Дозволено цензурою. Москва, 9 октября 1896 года.

DK32
553
v. 2

ОТГОЛОСКИ XVIII ВѢКА.

Графъ Н. П. Шереметевъ.

ВЫПУСКЪ II.

«Ты помнишь Трианонъ и шум-
ныя забавы,
Но ты не изнемогъ отъ сладкой
ихъ отравы».

Пушкинъ.

По кончинѣ гр. Петра Бор. Шереметева (30 ноября 1788 года), жизнь единственнаго сына его по необходимости сложилась по новому обычаю. Онъ дѣлилъ время между занятіями въ Московскомъ Сенатѣ и служеніемъ искусству. Свободные часы отдавалъ онъ театру и усовершенствованіямъ своей труппы, на которые смотрѣлъ не только какъ на развлеченіе, но и какъ на разсадникъ талантовъ, на дѣло, имѣвшее общественное значеніе. Мысль эта выражена имъ въ завѣщательномъ письмѣ къ сыну. Онъ объѣзжалъ свои деревни ближнія и дальнія, ярославскія и владимірскія, входя въ нужды крестьянъ и дѣятельно занимаясь улучшеніями, причемъ неизмѣнно высказывалъ стремленія челоуѣколюбивыя, которымъ въ послѣдствіи суждено было такъ широко развиться. Какъ наѣздникъ и псовый охотникъ, онъ находилъ утѣшеніе въ частыхъ выѣздахъ „въ поле“, сохраняя при томъ пріятельскія сношенія съ другими псовыми охотниками, сосѣдями ближними и дальними*).

*) Отгол. XIII вѣка, выпускъ I.

М646933

Въ годъ кончины отца ему было 37 лѣтъ. Онъ былъ меньшимъ изъ всѣхъ дѣтей Петра Борисовича. У него былъ старшій братъ Борисъ — Порфирій, любимецъ отца, на котораго много возлагалось надеждъ. По словамъ Миллера, онъ отличался трудолюбіемъ и усидчивостію. Его ранняя смерть была великимъ семейнымъ горемъ.

Мы не знаемъ, почему графъ Николай Петровичъ не женился въ болѣе ранніе годы и не было ли къ тому особыхъ причинъ послѣ кончины его матери, когда невольно положеніе его въ домѣ должно было измѣниться.

Ранняя смерть старшей сестры Анны Петровны и замужство меньшей Варвары, а также кончина Гр. Варвары Алексѣевны многое въ домѣ измѣнило. Петръ Борисовичъ, подавленный утратами, уединился; но въ послѣдніе годы своей жизни отдался новымъ привязанностямъ. Въ домѣ возрасла семья Реметевыхъ, и хотя Н. П. и поддерживалъ съ ними дружественныя и родственныя сношенія, но они не могли замѣнить ему тѣхъ, которыхъ унесла могила.

Характерами отецъ съ сыномъ не сходились и при всѣхъ признакахъ внѣшняго почтенія и повиновенія, Н. П. не могъ не чувствовать относительнаго одиночества. А между тѣмъ его впечатлительная природа нуждалась въ привѣтѣ, въ сближеніи, въ привязанности и въ дружбѣ.

Два задушевныхъ друга его молодости, кн. Алекс. Бор. Куракинъ и кн. Андрей Ник. Щербатовъ, давно уже разошлись съ нимъ на жизненномъ пути, и послѣ 1788 года уже не видно, чтобы они жили одною жизнью, хотя и сохраняли неизмѣнно сношенія письменныя и старую дружбу.

Изъ заграничнаго путешествія своего (1770—1771 г.) Н. П. вынесъ много впечатлѣній; но онъ никогда не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ, и послѣднее не могло не отразиться на его характерѣ. По природѣ вспыльчивый и горячій, онъ былъ безконечно добрѣ и доброжелателенъ, но „духомъ онъ былъ пугливъ“, въ томъ смыслѣ, который придаетъ этому выраженію кв. П. А. Вяземскій; легко воспріимчивый, онъ легко могъ и сжиматься, чувствуя оттѣнки отношеній; всегда склонный къ мечтательности, онъ оживлялся въ мірѣ звуковъ и художественныхъ наслажденій.

Съ сестрою гр. В. П. Разумовской хотя онъ и поддерживалъ постоянно дружественныя, братскія отношенія, но настоящей близости между ними быть не могло. Простодушная и неразвитая, она была недурна въ молодости, судя по сохранившемуся въ Кусковѣ современному ея портрету кисти „La Piègге“. Въ замужствѣ за гр. А. К. Разумовскимъ она была глубоко несчастлива и разошлась съ нимъ; неразумно любя дѣтей, она ихъ баловала, и вся эта семья служила для Н. П. исключительно источникомъ заботъ и тревоженій.

Близкаго родства у Н. П. не было. Онъ поддерживалъ почтительныя, но не близкія отношенія къ своей двоюродной теткѣ, княгинѣ Еленѣ Никитичнѣ Вяземской, и не разрывалъ связей съ семьєю Трубецкихъ, съ потомствомъ князя Никиты Юрьевича — брата его бабушки Марьи Юрьевны Черкасской.

Многочисленное потомство Н. Ю. имѣло съ нимъ мало общаго, и на одинокаго хозяина и наслѣдника значительнаго состоянія смотрѣли весьма часто односторонне. Въ сношеніяхъ съ Н. П. сквозитъ желаніе его женить, и вопросъ этотъ, повидимому, занималъ многихъ. И чѣмъ далѣе уходили годы, тѣмъ строже относились

многіе къ вопросу о женитьбѣ Н. П., махнувъ на него рукой. Это положеніе вѣчнаго жениха не отражается ли въ воспоминаніяхъ гр. Головиной?

„On parla du mariage de la Gr. Duchesse Alexandrine avec le roi de Suede. Un soir l'Imperatrice vint à moi et me dit: „Savez vous que je suis très occupée d'établir ma petite, fille Alexandrine; je cherche à la marier au comte Chérémteff“.

— „J'en ai oui parler, Madame“ repondit je „mais on dit que la famille ne veut pas y consentir.

„Cette reponse l'amusa beaucoup“ *).

Еще далѣе Трубецкихъ стояли Салтыковы, родство второй жены фельдмаршала, и хотя Н. П. неизмѣнно писалъ гр. И. П. „милостивый государь дядюшка“ и забрасывалъ его почтительными выраженіями, но чувствовалось, что близости никакой не было—и отношенія между ними сохранялись чисто внѣшнія. Еще далѣе отходили Долгоруковы, въ лицѣ внука злосчастной Натальи Борисовны—князя Ивана Михайловича, автора „Капища“ и многихъ другихъ произведеній. Долгорукій—„балконъ“, какъ его прозывали, неизмѣнно питалъ недоброе, завистливое чувство къ своимъ богатымъ родственникамъ, не останавливаясь при случаѣ и предъ клеветой. „Крезъ меньшей“, — какъ называлъ онъ Н. П., — былъ ему невыносимъ, и въ 1803 году ни слова состраданія и сочувствія не нашлось у него для человека, который никогда не сдѣлалъ ему зла.

Таковъ былъ внѣшній родственный кругъ, если не присоединять сюда родственниковъ и однофамильцевъ Шереметевыхъ.

Старшая графская линія, потомство Михаила Бори-

*) Записки графини Головиной.

совича, въ лицѣ гр. Михаила Сергѣевича, вела упорную тяжбу съ младшею линіей изъ-за мнимыхъ наслѣдственныхъ правъ. Въ этомъ дѣлѣ они нашли себѣ сторонниковъ въ лицѣ того же кн. И. М. Долгорукова и кн. Михаила Михайловича Щербатова, историка и строгаго порицателя „нравовъ“. Но нашлись и люди, которые высказали правду — и во главѣ ихъ былъ московскій главнокомандующій Еропкинь Его мнѣніе очень опредѣленно и вѣско. Оно должно было восторжествовать. А между тѣмъ, пока тянулася бесполезная тяжба, другіе члены старшей вѣтви пользовались поддержкою не только Н. П., но и отца его. Княгиня Марѳа Михайловна Долгорукая съ сыномъ своимъ жила у нихъ въ домѣ, а гр. Алексѣй Сергѣевичъ Шереметевъ со всею семьею бывалъ постоянно выручаемъ и получалъ пенсію.

Другая Шереметевская вѣтвь, дѣти Владиміра Теодоровича Шереметева, поддерживала родственныя сношенія и всѣхъ болѣе Николай Владиміровичъ, жившій также въ домѣ П. Б. и помогавшій ему въ хозяйствѣ, согласно обычаю того времени. Онъ сохранялъ неразрывныя сношенія съ Н. П., но преимущественно дѣловыя. Ближе другихъ стоялъ къ Н. П. троюродный его братъ, Василій Сергѣевичъ Шереметевъ, намѣченный Екатериною въ преемники кн. Вяземскому. Но они рѣдко жили вмѣстѣ, и только обширная переписка ихъ указываетъ на взаимную дружбу.

Наконецъ къ числу родственниковъ и близкихъ принадлежали Лопухины и Урусовы. Вѣра Бор. Лопухина и Екатери́на Бор. Урусова, дочери фельдмаршала, поддерживали близкія связи съ братомъ, который имъ приходилъ на помощь, и послѣ кончины ихъ потомство поддерживало связи съ Н. П.

Отъ Урусовыхъ связи переходятъ къ Касаткинымъ-Ростовскимъ, также постоянно пользовавшимся наслѣдственнымъ покровительствомъ. Истинно пріятельскія сношенія поддерживалъ Н. П. съ княземъ П. В. Урусовымъ, которому старался угождать, сочувствуя ему и находя въ немъ взаимную привязанность. Но то не была дружба уже по разницѣ лѣтъ.

Въ итогѣ остаются только трое: кн. А. Б. Куракинъ, кн. А. Н. Щербатовъ и В. С. Шереметевъ, которыхъ можно считать дѣйствительными друзьями. Но первый занесенъ свѣтскими и служебными успѣхами на иной путь; Шереметевъ не живетъ въ Москвѣ, и только кн. А. Н. Щербатовъ, хотя уже женатый и не живущій въ домѣ, какъ прежде, служилъ отраженіемъ и ранней молодости, и дорогихъ воспоминаній. Онъ былъ принятъ въ домъ гр. Варварою Алексѣвною какъ сынъ родной, хотя родство по современнымъ понятіямъ было и не близкое; его молодость озарилась свѣтлымъ и глубокимъ чувствомъ къ Аннѣ Петровнѣ, безвременно погибшей „отъ очесъ призора“ и оставившей загадочный, сочувственный слѣдъ.

Князю А. Н. Щербатову и легче, и досужнѣе было войти въ положеніе Н. П., сочувствовать ему и явиться въ рѣшительный день, какъ подобало испытанному и вѣрному другу. Мы его видимъ свидѣтелемъ 6 ноября 1801 года.

„Домъ родителя моего отличался отъ прочихъ“,— говорилъ Н. П. въ одномъ изъ писемъ своихъ къ сыну, — и это отличіе, быть можетъ, и было причиною, что жизнь Н. П. сложилась своеобразно, даже и во внѣшнемъ отношеніи.

Екатерина относилась къ нему равнодушно, несмотря на явное сочувствіе кн. Потемкина. Правда, Пла-

тонъ Зубовъ не принадлежалъ къ числу его покровителей. До конца царствованія Н. П. оставался сенаторомъ, сначала въ Москвѣ, а затѣмъ—неожиданно и противъ воли—въ Петербургѣ, куда ему приходилось наѣзжать и гдѣ онъ неизмѣнно сохранялъ къ себѣ привязанность наслѣдника престола.

Эти отношенія его къ Цесаревичу, уже опредѣлившіяся со временъ дневника Порошина, не переставали и крѣпли. Но и въ нихъ было нѣчто своеобразное, выдѣлявшее его хотя бы тѣмъ, что онъ часто отсутствуетъ. А между тѣмъ, если прослѣдить за скачками царствованія Павла, то увидимъ, что всѣ ближайшія къ нему лица подверглись его опалѣ и къ концу царствованія все, что было ему предано и близко, было разрознено, все находилось подъ его подозрѣніемъ, не исключаются изъ этого ни Нелидова, ни А. Куракинъ, ни Ростопчинъ. Тѣмъ не менѣе Н. П. удержался въ Петербургѣ и хотя вынесъ испытаніе, но передъ смертью Павла, наканунѣ кончины, онъ съ нимъ ужинаетъ и они вспоминаютъ молодость...

Другая не менѣе своеобразная черта—это возможность одновременныхъ добрыхъ сношеній съ цесаревичемъ Павломъ и кн. Потемкинымъ. Свои чувства къ Потемкину Н. П. не скрываетъ въ откровенномъ письмѣ къ В. С. Шереметеву. Потемкинъ его гость въ Кусковѣ... Тѣмъ временемъ Цесаревичъ Павелъ принимаетъ отъ него оленей Кусковского звѣринца, и по сохранившемуся отъ гр. В. А. Бобринскаго преданію, Н. П. предоставляется возможность оказать Цесаревичу услуги, которыя имъ не были забыты.

Только къ концу царствованія Екатерины замѣтно съ ея стороны нѣкоторое благоволеніе къ Н. П. Когда то онъ надѣялся ее принять въ Кусковѣ, но это не

состоялось. Въ 1796 году она жалуется ему Александровскую ленту и друга его намѣчаетъ въ преемники К. Вяземскому.

Какъ бы то ни было, но не замѣтно, чтобы Н. П. тянуло къ Петербургу. Онъ обжился въ Москвѣ и любить ее, что видно изъ его переписки. Домашній складъ его опредѣлился, и путеводная звѣзда уже давно озаряла его одинокую жизнь.

Еще при отцѣ онъ не могъ не остановить вниманія на той, которая и П. Б. заставляла попечительно о ней заботиться. Воспитанница княгини Марѣы Михайловны Долгорукой, Прасковья Ивановна, уже при П. Б. появилась на кусковской сценѣ.

Слѣдя за разсказомъ Н. П., простымъ и исполненнымъ достоинства, и вдумываясь въ свойства человѣка, для многихъ казавшагося страннымъ и чудаковатымъ, понятно становится скрытая отъ насъ завязка, послѣдовательно вытекающая изъ всего положенія и обстановки. „Отмѣнный штукарь нашъ старшій родственникъ“, небрежно отзывается объ немъ Анна Семеновна Шереметева: и такъ могли смотрѣть на него многие. Его распоряженія, его взгляды по отношенію къ крестьянамъ расходились со взглядами многихъ. Съ первыхъ же дней самостоятельной хозяйственной дѣятельности онъ озаботился, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ къ нему доступъ и лично подавалъ бы ему свои прошенія. Не та ли эта черта, которую видимъ и у воцарившагося императора Павла? Заботы его о школахъ, богадѣльняхъ при деревняхъ и около церквей, заботы по переселенію крестьянъ, постоянное стремленіе къ справедливости и та человѣчность, которыми выражается его дѣятельность, сбличаютъ въ немъ человѣка съ опредѣленными убѣжденіями.

Отличительною чертою его было постоянное стремление къ исканію и къ покровительству таланта. Въ чемъ бы они ни выражались, онъ одинаково старался дать ему развитіе, никогда не забывая, что на немъ ложится отвѣтственность за многихъ. Отсюда та любовь, которая его окружала, и то чувство, которое онъ внушалъ всѣмъ, кто испытывалъ на себѣ дѣйствіе его заботъ и сочувствіе.

Его горячность была тѣмъ недостаткомъ, которымъ могли злоупотреблять въ свою пользу, потому что порывы и вспышки его сопровождались желаніемъ загладить и задобрить ихъ.

Онъ увлекался медициной и стремился къ обществу врачей, слѣдя за движеніемъ науки. Tissot былъ его настольной книгой, вмѣстѣ съ мыслями Марка Аврелія и твореніями Дмитрія Ростовскаго. Внѣшній лоскъ европейца XVIII вѣка не заглушалъ въ немъ русскую, коренную основу. Въ немъ живы были преданія и сочувствія, весь складъ русскаго человѣка съ его обычаями и вѣрованіями—съ чистымъ исповѣданіемъ православія. Онъ росъ въ обстановкѣ, перешедшей по наслѣдству отъ XVIII вѣка. Его нянькою была крестьянка Екатерина Дедешина, доживавшая въ домѣ свой вѣкъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, пользуясь снисходящимъ потомствомъ неизмѣнною поддержкою.

Его воспитатель Woesian представляется, по словамъ Куракина, человѣкомъ легкомысленнымъ, но и онъ не оставленъ безъ помощи по окончаніи своей службы. Списокъ лицъ, которымъ выдавались пособія, длинень. Но Н. П. творилъ и добро никому не вѣдомое—по слову Евангельскому. Т. В. Шлыкова съ умиленіемъ рассказывала, какъ онъ уходилъ изъ дому въ поискахъ за бѣдняками и возвращался безъ копѣйки.

Многимъ оказана имъ поддержка въ началѣ ихъ поприща, многіе были ему обязаны. Онъ испыталъ и отрадное чувство сдѣланнаго добра, испытывалъ подчасъ и неблагодарность.

Его вѣра была пламенная и чистая; она спасла его отъ крушенія въ минуту роковую. Онъ кончилъ свое жизненное и не долгое поприще съ спокойною совѣстью.

Закончу словами самого Н. П. въ письмѣ его къ сыну.

„Никогда не былъ я по склонностямъ моимъ такимъ, которые ищутъ разсѣянности; строгія правила домашней жизни, *на степенной старинѣ основанной*, всегда сопутствовали мною“, а свѣтлый образъ той, которая принесла ему счастье, уже давно „водворился въ глубинѣ (его) сердца“!

Въ петербургскомъ Фонтанномъ домѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ скончалась гр. П. И., имъ поставлена мѣдная доска подъ иконою Спаса Нерукотвореннаго, донинѣ неприкосновенно сохранившаяся. На доскѣ этой имъ начертана слѣдующая надпись:

„Помяни щедроты Твоя Господи и милости, яко отъ вѣка суть. Грѣхъ юности и невѣдѣнія не помяни здѣсь усопшія рабы Твоея Графини Пераскевы, но по милости Твоей помяни ю Ты ради благодати Твоея.

„Неисповѣдимое предопредѣленіе Божеское, печатлѣя въ сердцахъ нашихъ память преселившихся въ вѣчность, дѣлаетъ драгоценнымъ ту храмину, въ которой благочестивая душа скончала жизнь свою; какъ о семъ говорить и Юнгъ *). Сіе мѣсто было обита-

*) Удалитесь нечестивые или входите съ благоговѣніемъ. Храмина, въ которой благочестивая душа въ тишинѣ и безмолвіи довершаетъ жизнь и жребій свой, есть тотъ алтарь, коего врата отверзаются въ небеса (вторая ночь Юнга, стр. 133).

ніемъ въ Бозѣ покоющейся матери твоей, а моей много почитаемой и обожаемой супруги, Графини Пракскови Ивановны Шереметевой, рожденной Ковалевской.—Покой сей былъ убѣжищемъ ея радостей, печалей и болѣзней. На семъ мѣстѣ съ удивительнымъ терпѣніемъ пренесла она двѣ тяжкія едва не смертоносныя болѣзни, но неописаннымъ милосердіемъ призирающаго на моленіи всеблага Бога, чудесно избавилась отъ смерти, и чувство благоговѣнія къ щедротамъ Всесильнаго водворило въ умиленномъ сердцѣ ея текстъ, часто ею повторяемый: „Наказуя наказанія Господь, смерти же не предаде“.—Сей текстъ виденъ и на ея печати. Самой же покой сей есть мѣсто, гдѣ почтенная мать твоя, разрѣшась отъ бремени тобою, единокровнымъ сыномъ, и давъ тебѣ жизнь, по 27 дневномъ страданіи съ терпѣніемъ мужественнымъ предала душу свою въ руки живаго Бога.—Взоръ твой не наслаждался зрѣніемъ лица достопочтенной родительницы твоей; но мѣсто сіе должно вліять въ чувствительную душу твою почтеніе и вѣчной памяти достойное уваженіе.—Не дерзай рушить, ниже перемѣнить. Оставь сей печальной чертогъ навсегда себѣ въ благоговѣйномъ сбереженіи, да будетъ онъ священнымъ памятникомъ добродѣтелей ея, и когда горячая слеза покатится отъ глазъ твоихъ, тогда съ душевнымъ чувствомъ скажи: Помяни Господи усопшую на семъ мѣстѣ рабу твою, егда придеши во царствіи Твоемъ, якоже помянулъ разбойника испустившаго гласъ сей, и сотвори ей вѣчную память.

„Отецъ твой вкушалъ всѣ изобилія блага земнаго; но, лихась матери твоей, потерялъ съ нею покой и все благополучіе. Единая мечта осталась спутницею горестныхъ вздоховъ; но вѣра и упованіе на благодать

Божію остались ему подкрѣпленіемъ; а добрыя правила честной жизни душевнымъ успокоеніемъ.— Да снизойдетъ и на тебя, единого сына моего, благость Господня! будь кротокъ, добродѣтеленъ, честенъ и человѣколюбивъ; живи въ законѣ Божіемъ; убѣгай нечистоты духа и тѣла, и тѣхъ, кто въ сихъ порокахъ обращается! вѣрь, что на таковыхъ непременно грядетъ гнѣвъ Божій! тогда ощутишь прямую цѣну христіанскія жизни и благодатнаго наслѣдія, и тогда только, достигая кроткими стопами глубокой старости, снищешь благоденствіе въ кратковременной жизни, а въ будущей вѣчный покой.

„Есть ли пожелаешь узнать подробность, то найдешь пространнѣе описаніе здѣсь, въ особомъ ящичкѣ“.

Кусково.
1896 г.

Графъ Серій Шереметевъ.

К О Н Е Ц Ъ .

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

8000353529

